

26 августа 1978

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

ДОМ ИХ в Троицком знают все. И старый, и малый с радостью покажут дорогу: «Вот тут живут Толстые». И почувствуется в этом не просто отголосок всенародной любви, которой окружено имя Льва Толстого, но и какая-то особая гордость. О дачниках или заезжих людях так не говорят. Так говорят о земляках.

Дом этот построил своими руками внук Льва Николаевича — Владимир Ильич Толстой в начале 50-х годов. Здесь, в подмосковном селе Троицком, он жил и работал инженером-агрономом. Посадил в колхозе огромный сад. Вырастил двух сыновей. Старший, Олег Владимирович, художник, живет в Москве. А младший, Илья Владимирович, постоянно здесь. Он кандидат филологических наук, преподает русский язык на факультете журналистики МГУ. С ним мы и встретились и долго разговаривали.

...Утром в Троицком тихо, как в лесу. Пахнет скошенной травой и хвоей. Никаких примет осени — а ведь август на исходе. Вдоль дороги мальчик с велосипедом не спеша гонит трех коров. Они проносятся мимо запаха парного молока. Все здесь располагает к неторопливости мыслей. Первой из дома выходит большая добродушная собака. Следом за ней — хозяйка. Высокий, с окладистой бородой. Похож? Несомненно. Однако портрет Льва Николаевича «советует» не торопиться с выводами. У правнука черты лица мягче, и взгляд не такой колючий. А неистовый старец даже с фотографией так и пронизывает всепонимающим оком...

— Илья Владимирович, известно, что вы — правнук Толстого по линии его сына Илья Львовича. Хотелось бы подробнее узнать о том, как сложилась судьба этой ветви рода Толстых.

— Дед мой, Илья Львович, во время первой мировой войны уехал в Америку, где умер в крайней бедности. Отец с братом хотели с ним встретиться, такова была причина их эмиграции в 1920 году. Моему отцу в то время было чуть больше двадцати лет. В записках, которые он вел в те годы, подробно описаны чувства, владевшие им: «Отъезд из России был для меня ужасен...» Оказавшись в Югославии, отец поддерживал существование случайными заработками. Потом поступил учиться на сельскохозяйственное отделение Белградского университета. Женится на русской, с которой познакомился в Белграде. Мать моя, Ольга Михайловна Гарденина, была на 8 лет моложе отца. Ее увезли из России совсем ребенком. В 1927 году родился брат Олег, а через три года я. Жили мы в местечке Новый Бечей, где отец работал инженером-агрономом. В годы войны отец принимал участие в освобождении Югославии от фашистов, помогал партизанам. В 1943 году попал в концлагерь, откуда ему удалось выйти через год. С приходом Советской Армии отец, как местный житель, помогал командованию 34-й гвардейской дивизии ориентироваться, показывал тропинки и дороги. О встрече с отцом, который поразила своей похожестью на Льва Николаевича, писал генерал Максимович. Фотографию генерала с дарственной надписью отцу мы храним как самую дорогую реликвию. С именем генерала связано наше возвращение на Родину. Получив ранение, Максимович был вынужден отправиться в Москву и взял с собой ходатайство моего отца. В сентябре

1945 года семья моего отца и его брата Илья Ильича вернулись в Россию. С нами приехал и приемный брат — Владимир Качурин, родители которого умерли в эмиграции. Двоюродный брат, Никита Ильич, дошел с нашими войсками до Вены, а потом приехал в Москву.

— Ощущали вы «эхо» Толстого, живя за границей?

— В Югославии знали Толстого. В народе была легенда о том, что он собирался из Астапова на Балканы пойти. У дяди моего, Илья Ильича, висел портрет Льва Николаевича, и крестьяне воспринимали его как икону святого. Но они, конечно, не читали его книг.

Так вот, я приехал в Ясную. И через реакцию отца, которую до сих пор ясно помню, я воспринял и тот дом, как наш дом... Скрипнула половица под ногой отца, которая и раньше скрипела и которую они в детстве переступали, чтобы не мешать деду работать. Отец разрыдался. Потом — его потрясли часы. Они тикали, как и прежде... Отцу было 11 лет, когда Лев Николаевич умер.

Следующая моя поездка в Ясную, в 1947 году, еще больше вернула мне ощущения родства. Мы жили там с Сергеем Львовичем, сыном Льва Николаевича. Это было последнее лето его жизни. Мы возили Сергея Львовича в

молодости. Но ведь по Левину, Пьеру, Болконскому видно — она тоже происходила. Став публицистом, он разрабатывал те идеи, которые уже были в его художественных произведениях. Толстой как художник был очень последователен. В трактовке Толстого много неверного оттого, что примешивается личное, что открыто у других великих людей. У Толстых все было открыто. Сам Лев Николаевич был беспощаден к себе и искренен до конца, того же требовал от других.

— Каким вы знаете прадеда по рассказам отца, по историям, хранящимся в семье?

— Отец редко говорил о своем детстве. Он стеснялся

«Граф Илья Толстой», принадлежавшие еще деду Льву Николаевича. Часть бокалов хранится в музее. Гитара у меня есть Александры Львовны. Да еще записная книжка. — Илья Владимирович уходит в другую комнату и выносит книжку. Она величиной с ладонь, в изысканном, но потертом переплете. На каждой странице — число и отрывок стиха на французском. Открываем. 23 августа: на листе черной тушью тонким пером знакомая подпись — «Л. Н. Толстой». Да, это его рука. Книжку завела его дочь, Татьяна Львовна. В ней оставлены автографы члены семьи Толстых и люди, близкие их дому. — Книжка перешла к моей тетке, Анне Ильиничне, от нее — к отцу, а теперь вот ко мне. Есть тут автографы всех детей Льва Николаевича, Софьи Андреевны, внуков, правнуков, праправнуков, — рассказывает Илья Владимирович, бережно листая страницы. В этой книжке, в самом кратком варианте, запечатлена история семьи Толстых, ее приязни, дружбы на протяжении двух веков.

— Сколько вас, Толстых, теперь живет?

— Давайте посчитаем... В Москве нас около двадцати... А всего живущих и умерших потомков Льва Толстого было почти двести человек. Есть парижская ветвь семьи, шведская, американская, итальянская. Думаю, лучше обо всех живущих Толстых знает Н. П. Пузин. Он поддерживает связь со всеми потомками Толстого. Нас еще много.

— Кто из современных писателей вам интересен, особенно из тех, кто хоть в какой-то степени продолжает традиции Толстого, традиции русской литературы?

— Мне интересны писатели, пишущие о современной деревне. Они поднимают проблемы морали в традициях русской литературы: взаимоотношения родителей и детей, значение деревни, хлеба, простых вещей в жизни человека. Они пытаются осмыслить высокоморальное восприятие жизни, присущее русскому крестьянству, что не нашло себе замены. Сейчас мир ломает одну мораль и создает что-то взамен. В произведениях Астафьева, Белова, Распутина есть ощущение этой ломки, этого безвозвратно уходящего. Я чувствую и понимаю, что их мучает.

— Знакомы ли вы с литературоведением о Толстом?

— Нет, литературоведение меня не интересует. Единственное, что читал о Толстом, — документальную прозу И. Друцэ в «Неделе». Там меня заинтересовала прямая речь Толстого. Авторы таких художественно-документальных произведений о великих людях очень свободно обращаются с прямой речью героев. Так, у Друцэ, а также у В. Бакланова, писавшего о молодом Толстом, речь писателя дана очень неряшливо. А в некоторых местах просто возникает сомнение: «А мог ли он так сказать?» Ведь есть же письма его, воспоминания родных, произведения, наконец, где можно почувствовать живую речь человека.

— Вы сами не пробовали писать?

— Нет. У нас в семье есть две традиции, мне кажется, естественные: не называть детей именем Лев и не писать. Хотя писать все Толстые умели, и неплохо. Но есть то, что нельзя повторить...

Н. КОЛЕСНИКОВА.

К 150-летию со дня рождения великого писателя

ПОТОМКИ ТОЛСТОГО

Интеллигенция, видимо, читала. Но мы были детьми, а отец никогда с нами о славе Толстого не говорил. Он был очень скромен. Больше и сильнее мы ощутили значение Толстого в СССР. Здесь его все знают, читают, понимают и любят.

— Как складывалась ваша жизнь на Родине?

— В Москве мы поселились сначала у тетки, Анны Ильиничны, на Арбате. Отцу предложили работу в Министерстве сельского хозяйства. Мы учились сначала в школе. Брат Олег увлекся живописью. Володя Качурин стал инженером. Двоюродный брат Никита поступил на филфак МГУ, потом туда же пошел учиться я.

— Когда вы впервые посетили Ясную Поляну? Что вы там пережили?

— Сразу после возвращения в Россию мы с отцом ездили в Ясную Поляну. О чувствах говорить трудно... Я воспринимал все через отца. В доме у нас мало говорили о Льве Николаевиче. Я знал, что прадед мой — великий человек, но относился к этому как к нормальному, обычному явлению. Мы росли без оглядки на великого деда и прадеда. Влияние Льва Николаевича шло исподволь, оно было в воспитании моего отца и в том, как он воспитывал нас. Отец вырос в деревне Гриневке, вместе с крестьянскими ребятами косил, пахал, обвешивал лошадей, ходил в ночное. Не гнушался никакой работой. Был он высокий, крупный, сильный. В Югославии у нас был участок земли, мы его сами обрабатывали. Никаких работников не было. Отец все время чем-то увлекался: то пчел заведет, то разных животныхных. Эти увлечения не давали экономического результата, просто в отце была неуемная энергия работы, увлеченности каким-то делом. Все он затевал в больших масштабах. Многие я угадывал в его характере от деда. Стиль жизни, мне кажется, сохранялся толстовский. Отец был суров, никаких поблажек нам не давал. Требовал, чтобы в канікулы мы работали на лесопильном заводе. А мама плакала — ей было нас жаль...

кресле по дому. Поднимали на второй этаж. В кабинете он просил снять со стены ту или иную фотографию. Он плохо видел и говорил по памяти: там висит... Близко подносил карточку к глазам и рассказывал, что тут запечатлено и как это было. А в зале он сел за рояль и проиграл какую-то вещь. Он был музыкант: преподавал, сочинял, исполнял. В то время он был страшно похож на Льва Николаевича. В лице старшего сына Толстого я видел облик отца...

— Как началось ваше знакомство с творчеством прадеда?

— В Югославии у нас не было собрания сочинений, но отдельные тома и книги были. Мы читали «Хозяин и работник», «Казак», «Хаджи-Мурат». В основном я начал читать Толстого здесь, в Москве.

— Ваше любимое произведение, любимый герой, героиня?

— Об этом очень трудно говорить... Поскольку произведения Льва Николаевича автобиографичны, так или иначе в них отражены целые периоды его жизни, внутренней и семейной. Мне ближе тот период, когда их семья была счастливой, полной любви друг к другу, полной забот, семейных и хозяйственных отношений родителей и детей были гармоничны. То есть период до 80-х годов. И романы «Война и мир», «Анна Каренина». Этот период вызывает у меня ощущение радости жизни. И в нем уже заключены ростки тех идей, которые дальше получают развитие в его статьях, публицистике. Они жизнерадостны, окрашены жизнелюбием. Как я себе представляю, все это сохранялось во Льве Николаевиче, но приобретало острые формы от столкновения с окружающей средой. Уклад его жизни и уклад внешнего мира. Вот это вызывало его страдания.

Я не могу говорить об отдельных образах, а в целом — о восприятии жизни. Может быть, и не нужно разграничивать творчество Толстого на периоды до 80-го и после. Потому что все приходит не вдруг, все развивается последовательно. Мы меньше знаем о его внутренней борьбе в

даже выступить с лекциями о своем деде. Согласился только потому, что встречал всюду огромный интерес и желание услышать живое слово о Толстом. Так что я слышал то, что знаю все. Но однажды в Ясной отец вспомнил, что в пруду водились ужи. Они, дети, этих ужей вылавливали и развешивали на ветках деревьев. Об этом узнал Лев Николаевич. Он вышел и не то, чтобы пожурил... нет, он никогда не читал прямых нравов учений. Он подбирал аналогичный пример или случай, и всем было понятно, о чем идет речь. В тот раз он просто рассказал внукам о пользе ужей... Больше я узнал о прадеде от тетки, Анны Ильиничны. Она была ровесница его младшей дочери, Александры Львовны. Они дружили. Анна Ильинична хорошо пела цыганские и русские романсы, танцевала. Она рассказывала, что при деде молодежь стеснялась петь и танцевать. Однажды, когда его не было, они играли на гитаре. Вдруг он вошел. Они смутились. А он стал просить, чтобы продолжали и показали ему одно колечко в цыганской пляске... Сам Лев Николаевич очень любил цыган, и это было увлечением всей семьи. Когда у Ясной останавливался табор, он ходил к цыганам слушать песни. Толстые все были музыкальны. На рояле играли, на гитарах, на балалайках тренькали — к неудовольствию Софьи Андреевны.

У нас в семье любили физическое здоровье. Постоянно были какие-то игры, мерялись силой. Отец рассказывал, как Лев Николаевич мог прийти и вызвать на соревнование: кто сможет присесть «пистолетиком» на одной ноге. Он мог, а было ему 80 лет. Его влияние на всех было огромно, но шло как-то исподволь. В воспитании он не пользовался прямыми приемами. Умел понять внутренние пружины всякого поступка. Он не говорил, что плохо, а наводил на мысль — почему нехорошо. Проницательность — это я слышал о нем.

— Сохранились ли у вас какие-то семейные реликвии?

— Почти ничего не сохранилось. Бокалы с вензелем